Вестник Томского государственного университета. 2018. № 430. С. 196–204. DOI: 10.17223/15617793/430/27

УДК 343.8

А.М. Никитин, С.Н. Лосева

ЖЕНЩИНЫ-ЗАКЛЮЧЕННЫЕ В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ (по материалам исследований М.Н. Гернета)

На основе анализа исследований выдающегося криминолога, ученого-пенитенциариста Михаила Николаевича Гернета (1874–1953) характеризуется положение женщин, лишенных свободы, в дореволюционной России. Основным источником для написания статьи послужил фундаментальный пятитомный труд М.Н. Гернета «История царской тюрьмы»; использовались также другие работы, касающиеся пенитенциарной тематики. Приводятся архивные документы, впервые введенные в научный оборот. Главное внимание уделено условиям отбывания наказания женщинами, осужденными за политические преступления.

Ключевые слова: лишение свободы; женщина; политический заключенный; тюремный режим; дискриминация.

Об уровне цивилизации народа можно судить,
когда открываешь ворота его тюрем.

Ф.М. Достоевский

Одной из важнейших задач современной пенитенциарной системы России является проведение эффективной работы, направленной на улучшение условий отбывания наказания, смягчение режима содержания женщин в исправительных учреждениях, защиту их личных прав, свобод и законных интересов. Прогрессивные перемены в правовом статусе осужденных женщин в связи с дополнениями, внесенными в пенитенциарное законодательство Евросоюза, свидетельствуют о том, что тенденция гуманизации назначения и исполнения наказания в виде лишения свободы, присущая уголовно-правовой и уголовно-исполнительной системам нашей страны, в последние годы получила наиболее полное выражение именно в отношении осужденных женщин.

Вместе с тем очевидно, что действующие ныне нормы, регулирующие исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении женщин, нуждаются в совершенствовании. Как показывает практика, процесс гуманизации исполнения этого вида наказания в отношении женщин еще далеко не исчерпал себя, и имеются значительные возможности для его дальнейшего углубления и расширения [1. С. 21].

Факторы, влияющие на женскую преступность, определяются в первую очередь социальными и экономическими условиями жизнедеятельности женщин. В частности, женщины (особенно с несовершеннолетними детьми) менее конкурентоспособны на рынке труда, более беззащитны перед угрозой потери работы и одновременно более ответственны за семью, детей. С обострением социальных противоречий, с ухудшением материального положения напрямую связана корыстная преступность женщин. Разница в материальных условиях жизни оказывает негативное влияние на поведение женщин, особенно молодого возраста. Этим во многом объясняется тот факт, что в настоящее время в местах лишения свободы находится в основном наиболее активная в социальном отношении категория женщин.

В условиях лишения свободы психологические механизмы адаптации среди осужденных женщин по сравнению с осужденными мужчинами являются менее мобильными, что при освобождении может способствовать их повторной криминализации. Утрата и ослабление адаптивных способностей женщин значительно усложнят усвоение ими функционально-ролевых обязанностей и могут отрицательно сказаться на процессе возвращения в общество.

Вместе с тем важным фактором, позволяющим рассчитывать на положительный эффект исправительного воздействия, является то, что женщины, осужденные к лишению свободы, при отбывании наказания избирают преимущественно нейтральную линию поведения. Мотивация к правопослушному поведению и исправлению у них достаточно развита, и в процессе отбывания наказания они более склонны совершать положительные, чем отрицательные поступки [2. С. 87–88].

Для профилактики нарушения женщинами порядка и условий отбывания наказания нередко бывает достаточно применения мер убеждения, а в случае нарушения режимных требований эффективным нередко оказывается однократное применение дисциплинарного взыскания. Осужденным женщинам несвойственны межличностные конфликты на религиозной и национальной почве. В процессе отбывания наказания они обычно стремятся искупить вину за совершенное преступление посредством активного погашения исков.

В настоящее время в 69 исправительных колониях содержатся 49 237 женщин, что составляет почти 8% от общего количества осужденных к лишению свободы, причем более трети (38,1%) осужденных женщин отбывают наказание вдалеке от дома (в отличие от мужчин, колонии для которых есть в каждом регионе). Кроме того, при женских исправительных колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживают 577 детей. Таким образом на каждые 100 тыс. жителей России приходятся примерно 40 женщин, лишенных свободы, что значительно больше, чем, например, в странах Евросоюза.

В этой связи изучение исторического опыта исполнения лишения свободы в отношении женщин не только дополнит наши представления о состоянии дореволюционной карательной политики, но и может

послужить отправной точкой для совершенствования деятельности уголовно-исполнительной системы современной России.

Пятитомный труд выдающегося отечественного ученого Михаила Николаевича Гернета «История царской тюрьмы» является непревзойденным по точности, доступности, скрупулезности изложения материала работой, лучше и масштабнее которой вряд ли будет что-то написано. Десятки, сотни исследователей неоднократно анализировали его детище, ссылались на собранные им архивные и документальные данные. Авторы, имеющие непосредственное отношение к уголовно-исполнительной системе, в своих научных изысканиях в течение ряда лет неоднократно обращалась к этой книге [3. С. 149–152; 4. С. 97–108]. И каждый раз находишь какие-то новые сведения, важные выводы и не перестаешь удивляться непреходящей актуальности этого труда, несмотря на то, что его первому изданию в следующем году исполнится уже 70 лет.

И вот очередное такое прочтение натолкнуло нас на мысль написать статью о положении в дореволюционной России женщин-заключенных, о которых на страницах своего труда и других работ нередко упоминает М.Н. Гернет. Сам автор отмечал, что «несмотря на то, что десятки тысяч женщин поступали ежегодно в царские тюрьмы, законодательство совсем не знало “женского вопроса” в местах лишения свободы; уравнение в тюрьме мужчин и женщин создавало в действительности для женщин новые, добавочные тяготы. При этом тяжесть положения осужденной женщины в различных местах свободы увеличивалась еще и потому, что тюремная администрация, как правило, набиралась из мужчин» [5. С. 396–397]. Надеемся, что статья будет интересна не только специалистам-историкам, но и широкому кругу читателей.

Во все времена участь женщин, попавших в тюремное заключение, была достаточно тяжелой. Иногда на арестантов накладывались оковы, нередко они сковывались попарно, причем бывали случаи, что женщины сковывались с мужчинами [6. С. 93]. Вплоть до XVIII в. русская тюрьма не знала деления на мужскую и женскую, в связи с чем условия содержания женщин в тюрьме в действовавших тогда нормативных актах фактически не оговаривались. Лишь в Москве заключенные-женщины в большинстве своем содержались отдельно в Женской избе [7. С. 35]. Идея об обязательном раздельном содержании мужчин и женщин получила свое развитие в проекте Устава о тюрьмах, составленном Екатериной II в 1787 г. – «в уездных и губернских тюрьмах предусматривалось устройство “горниц” для мужчин и отдельно для женщин». Тем не менее раздельное содержание мужчин и женщин в местах заключения впервые нормативно было закреплено только Общей тюремной инструкцией 1831 г.

По финансовым соображениям отдельные женские тюрьмы строились крайне редко. На практике это порождало столкновения между заключенными обоих полов, а также невнимание администрации мест заключения к проблемам женщин.

Русское уголовное право при назначении наказания обычно не делало различий между мужчиной и женщиной, а если и делало, то не в пользу последней. Заковывание женщин в кандалы и «плечные железа» были отменены лишь в 1822 г., а за убийство мужа или ребенка вплоть до 1740 г. действовало такое чисто «женское» наказание, как закапывание заживо в землю. За остальные преступления женщину, как правило, заточали в монастыри, которые в течение XV–XVIII столетий выполняли роль государственных тюрем. Они были расположены во многих регионах России, в том числе в Москве: во Владимирской губернии – Покровский и Ризоположенский, в Пермской губернии – Далматовский и Введенский, в Тверской губернии – Кашинский, а также Енисейский, Рождественский, Иркутский, Знаменский и др. В Москве женщин помещали в Ивановский, Новодевичий и Вознесенский монастыри. Женщинам-колодницам в монастырях было не легче, чем мужчинам. Их ждали такие же суровые условия жизни, скудная еда, тяжелая работа, жестокое «смирение» в случае непослушания железами и батогами. Данные об особенностях их содержания в монастырях, наличии у них детей в литературе также отсутствуют. Случаи освобождения женщин, заключенных в монастырь, были единичными [8. С. 35–36; 9].

Иногда заключения в монастыри не избегали даже представители дворянского сословия. Так, в Ивановский монастырь Москвы была заточена Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха (1730–1801) – русская помещица, вошедшая в историю как изощрённая садистка и серийная убийца нескольких десятков подвластных ей крепостных крестьян. Решением Сената и императрицы Екатерины Второй, которая все же освободила ее от телесного наказания и каторги, была лишена достоинства столбовой дворянки и приговорена к пожизненному заключению в монастырской тюрьме. Салтычиха была приговорена:

– к лишению дворянского звания;

– пожизненному запрету именоваться родом отца или мужа (запрещалось указывать своё дворянское происхождение и родственные связи с иными дворянскими фамилиями);

– отбыванию в течение часа особого «поносительного зрелища», в ходе которого осуждённой надлежало простоять на эшафоте прикованной к столбу с надписью над головой «мучительница и душегубица»;

– пожизненному заключению в подземной тюрьме без света и человеческого общения (свет дозволялся только во время приёма пищи, а разговор – только с начальником караула и женщиной-монахиней).

Наказание осуждённой «Дарьи Николаевой дочери» было исполнено 17 октября 1768 г. на Красной площади в Москве. В Ивановском монастыре, куда прибыла осуждённая после наказания на Красной площади, для неё была приготовлена особая камера, названная покаянной. Высота отрытого в грунте помещения не превышала трёх аршин (примерно три с половиной метра), оно полностью находилось ниже поверхности земли, что исключало всякую возможность попадания внутрь дневного света.

Узница содержалась в полной темноте, лишь на время приёма пищи ей передавался свечной огарок. Салтычихе не дозволялись прогулки, ей было запре-

щено получать и передавать корреспонденцию. По крупным церковным праздникам её выводили из тюрьмы и отводили к небольшому окошку в стене храма, через которое она могла прослушать литургию. Жёсткий режим содержания продлился 11 лет, после чего был ослаблен: осуждённая была переведена в каменную пристройку к храму с окном. Посетителям храма было дозволено смотреть в окно и даже разговаривать с узницей. Источники свидетельствуют, что через окошечко Салтыкова плевала на любопытствующих, ругала их и совала сквозь решетку палку. Салтыкова провела в тюрьме 33 года и умерла в 1801 г. [10. С. 241–242].

В это же время в другом московском монастыре – Вознесенском – содержалась также за истязания своих крепостных помещица Анна Лопухина. Она была приговорена к пожизненному заключению в монастыре, но уже через три года решением императора Павла I была передана под присмотр родных. За время заключения Лопухина никак не проявила себя: вела тихий образ жизни, добросовестно исполняя все требования тюремного режима. Видимо, незначительность, по мнению императора, проступка Лопухиной, связи при дворе и принадлежность к дворянскому сословию сделали свое дело [Там же. С. 242].

Однако, судя по материалам М.Н. Гернета, встречалось и прямо противоположное отношение к женщинам-заключенным. Известно о крайне тяжелых условиях пребывания в Петропавловской крепости «княжны Таракановой», самозванки, выдававшей себя за дочь императрицы Екатерины II. Она содержалась в крепости чуть более полугода и была одной из немногих женщин-узниц, к тому же страдала чахоткой. Из вещей у заключенной при себе имелись только постель и одежда, еды было велено давать столько, сколько хватило бы для поддержания ее жизни. Запрещалось допускать к ней священнослужителей. Но самым тяжелым в тюремном режиме этой женщины было то, что в ее камере постоянно находились три человека тюремной стражи. Главной целью такого количества охранников было, по-видимому, отягощение режима содержания, поскольку побег или самоубийство вполне можно было предотвратить другими способами, не унижая достоинства женщины [Там же. С. 152–153].

Что уж говорить о деле солдатской жены Авдотьи Васильевой, проходившей по делу об оскорблении. По приговору суда она подлежала жестокому наказанию кнутом, но решением императрицы было «повелено учинить ей публичное, с барабанным боем, жестокое плетьми наказание и сверх того, подрезав платье, яко нетерпимую в обществе, через профосов (палачей) выгнать за город метлами» [11. С. 26]. Данный приговор был явно рассчитан на оскорбление чести заключенной-женщины.

До XIX столетия положение женщин, лишенных свободы, в российских тюрьмах было тяжелым и фактически не отличалось от положения мужчин. А учитывая, что женщины сложнее как в физическом, так и психологическом плане переносят заключение, такое положение можно признать невыносимым.

Девятнадцатый век ознаменовался подъемом революционного движения и, как следствие, большим количеством политических процессов, по которым проходили и женщины: С.Л. Перовская, Г.М. Гельфман, В.Н. Фигнер, Л.А. Волкенштейн, С.М. Гинсбург и др. Несмотря на юный возраст большинства заключенных, все они как в ходе судебных процессов, так и во время нахождения в тюрьме проявляли выдержку, силу воли и до конца верили в свое дело. Ни тюремный режим, ни исключительно мужской персонал не учитывали «полового» статуса заключенных, поэтому условия содержания были для мужчин и женщин одинаково тяжелыми. Но, как показала практика, женщины гораздо тяжелее переносили тяжести заключения.

Софья Львовна Перовская (1853–1881) и Геся Мировна Гельфман (1855–1882) были в числе шестерых обвиняемых по делу об убийстве в марте 1881 г. императора Александра II. Первая из них была повешена, второй по причине беременности была предоставлена отсрочка смертной казни. Позднее смертная казнь была заменена Г.М. Гельфман каторжными работами, но через восемь месяцев после небрежности врача, принимавшего роды, она умерла в тюремной больнице. Отобранный незадолго до этого ребенок был передан в воспитательный дом, где вскоре и умер. Тяжелые тюремные условия, в которых содержалась его мать, не могли пройти бесследно.

Приговоренные к смертной казни, содержавшиеся в доме предварительного заключения, перед отправкой на плаху были посажены на две «позорные колесницы» – телеги с устроенными на них скамьями на высоте двух саженей (около двух с половиной метров) от земли, к которым ремнями были привязаны заключенные. Руки их были связаны веревками, а на груди висели черные доски с крупной надписью «цареубийца». По свидетельству очевидцев, руки С.Л. Перовской были связаны так туго, что она попросила немного ослабить веревки, но получила грубый отказ [12. С. 10]. Вслед за колесницами ехали две кареты с пятью священниками в траурных одеждах и с крестами в руках. Известно, что Перовская отказалась от напутствия священника. На эшафоте она поцеловалась со всеми, кроме Рысакова, которого считала предателем. Через некоторое время при огромном стечении народа все было кончено.

Следующим судебным процессом, сильно ударившим по партии народовольцев, стал процесс четырнадцати, проходивший в Санкт-Петербурге в 1884 г. Среди подсудимых было две женщины – Вера Николаевна Фигнер (1852–1942) и Людмила Александровна Волкенштейн (1857–1906), обвиненные в подготовке и совершении террористических актов. Вынесенный судом смертный приговор для Фигнер был заменен бессрочной каторгой, для Волкенштейн – каторжными работами на 15 лет. После оглашения приговора заключенные были направлены в Шлиссельбургскую крепость, режим которой отличался в те годы особой суровостью [13].

Перед отправкой в Шлиссельбург Фигнер полтора года, с февраля 1883 г. по октябрь 1884 г., провела в Трубецком бастионе Петропавловской крепости (через 20 лет после освобождения из Шлиссельбурга она перед ссылкой опять ненадолго сюда вернется).

Фигнер не оставила воспоминаний о содержании в Трубецком бастионе; она описала лишь тяжелую картину своего переодевания в арестантскую одежду, не подходящую по размеру и пропитанную потом, указала, что имела свидания с родственниками и хвалила тюремную библиотеку.

М.Н. Гернет на основании архивных материалов приводит некоторые сведения о нахождении Веры Фигнер в Трубецком бастионе. В частности, Департамент полиции предупреждал коменданта Петропавловской крепости, что она является одним из наиболее «важных» государственных преступников и может совершить побег. Видимо, по этой причине ей не разрешали заниматься рукоделием в камере [5. С. 150–151].

Чтобы представить, в каких условиях сдержались заключенные, в том числе женщины, приведем описание камеры Трубецкого бастиона, сделанное одним из арестантов: Камера большая, шагов десять по диагонали и поперек в пять-шесть шагов. Камера была такая высокая, что, даже встав на стол, можно было достать руками лишь до подоконника. В камере были грязь, сырость и полумрак: солнечные лучи попадали в камеру только вечером и только на подоконник. Керосиновая лампа горела в камере всю ночь, а глазок оставался на ночь открытым для наблюдения за заключенным. Утром приносили полотенце, мыло не давали, для чтения давали лишь Новый завет. Заключенным выдавались лишь черный хлеб и кипяток вместо чая. В определенные дни разрешалось за собственные деньги покупать чай, белый хлеб и некоторые другие продукты. Находившиеся в камере кровать, стол, умывальник и стульчак с выносным ведром были сделаны из железа и прочно прикреплены к стенам и полу. Во время пребывания в камере узники носили казенное белье и халат, а на прогулки (ежедневно по 15 минут) и свидания (один раз в две недели) им разрешалось переодеваться в свою одежду. К концу XIX в. в связи с уменьшением с 50 до 30 коп. в сутки суммы, выделяемой на довольствие, резко ухудшилось питание заключенных, что приводило к болезни и смерти многих из них. Арестанты вспоминали прогорклое масло, червей в супе, непропеченный хлеб.

Режим в Трубецком бастионе сводился к полной изоляции арестанта от внешнего мира: устанавливался запрет на свидания с родными, переписку, физические и умственные занятия. Лишь в 1886 г. начались занятия продуктивным трудом, когда во дворе тюрьмы были устроены 12 огородов, разделенных между собой высокими заборами. Заключенным были розданы железные лопаты, семена и баки с водой для поливки. Несмотря на то что многие из них совсем не были знакомы с огородничеством, радость от занятий не знала предела. В 1889 г. была открыта первая мастерская – столярная, затем переплетная, токарная и кузнечная. Работали заключенные как для собственных нужд, так и по заказам тюремной администрации. Женщины в большинстве своем работали на огородах и в переплетной мастерской, обучаясь ремеслу самостоятельно. Например, В.Н. Фигнер преподавала переплетное мастерство нескольким заключенным через окно своей одиночной камеры.

В течение всего времени нахождения в Шлиссельбурге Фигнер была на плохом счету у администрации: постоянные конфликты с администрацией, протесты, голодовки; при всей своей женственности она всегда вела себя в тюрьме с чисто мужской решительностью и твердостью. Не раз она помещалась в карцер, которые, по ее описанию, представляли собой сырые и холодные камеры, а на койках не было матрацев и постельных принадлежностей. Иногда приходилось просто лежать на полу, подложив под голову обувь. Кормили в карцере черным хлебом с плесенью, не давали соли.

Самым страшным орудием пытки Фигнер считала тюремную тишину: «Тюрьма должна быть мертва, мертва, как могила, мертва день и ночь». В своих воспоминаниях она отмечала особую болезненную изощренность слуха арестантов одиночных камер, в особенности, когда звук достигал значительной силы и повторялся.

Тюремная администрация должна была постоянно помнить, что узникам надлежало быть полностью изолированными от внешнего мира, что они являлись лишь арестантами под определенным номером. Фигнер указывала, что за 20 лет пребывания в тюрьме никто из тюремного персонала ни разу не назвал ее по имени.

Освобождение В.Н. Фигнер из Шлиссельбургской тюрьмы, где она провела 20 лет, состоялось в 1904 г. ввиду ее закрытия. До этого еще во время следствия по делу она была помещена в Трубецкой бастион Петропавловской крепости, куда повторно вернулась после Шлиссельбурга перед отправлением в Архангельскую ссылку.

Первые часы вторичного пребывания в Трубецком бастионе были для Фигнер очень тягостными. Низший чин тюремной администрации охотно рекомендовал ей «новое жилище»: «У нас Вам будет хорошо. Не то, что прежде: электричество и все удобства…». Когда же он бесцеремонно сел на койку, поджав под себя ногу, она гневно, повышенным голосом потребовала, чтобы он ушел.

Переживания этой женщины наглядно показывают, насколько тяжело переносилось длительное одиночное заключение без возможности любого общения с внешним миром. «Уверенным, привычным шагом иду я по привычным местам, как ходила раньше, тысячи раз ходила, иду, как будто меня ждет обычная прогулка или работа в мастерской, а не великий перелом жизни – возвращение в «мир». Но как только я переступаю за рубеж, вхожу в новую непривычную обстановку, мне делается дурно: тело теряет равновесие, пол, как вата, подается под ногами, а стена, за которую я тщетно стараюсь ухватиться рукой, быстро, как декорация, убегает, вперед» [14. С. 232].

Оказавшись на свободе, Фигнер, по свидетельству М.Н. Гернета, который лично встречался с ней в 1906 г., долго чувствовала себя удрученной, свобода со всеми ее преимуществами не доставляла ей радости. Ее нервность и впечатлительность были развиты до крайней болезненности. Она вздрагивала каждый раз при звуке раздававшегося у входной двери колокольчика. Она болезненно реагировала на вос-

поминания об обращении тюремной стражи с узниками крепости. Лишь по прошествии нескольких лет она возвратилась к своему прежнему состоянию [15. С. 40–41].

Л.А. Волкенштейн пробыла в Шлиссельбургской крепости 13 лет. Она ярко описывала проведение обысков в ее камере: «Эти обыски – ужасная вещь: они бессмысленны, грубы до цинизма, мучительны. Во время обыска ирод без всякого стеснения следил в "глазок" за происходившим в камере. Когда женщины заметили это и подняли крик, ирод ответил: "Что же мы не видали голых женщин – вот пустяки выдумали"» [5. С. 238–239]. Таким образом обыск, доставлявший заключенным большие мучения, в присутствии мужчины становился еще более невыносимым.

Волкенштейн отмечала, что заключенных-женщин не били, не связывали, с женщинами были «менее грубы, – вернее, реже грубы». По словам других узников, стойкость и твердость Волкенштейн приводили жандармов в бешенство. Смотритель тюрьмы, зная, что она не переносила жару, накаливал печь в камере так, что нахождение там становилось настоящей пыткой, но даже это не могло лишить энергии и бодрости Волкенштейн.

К сожалению, не у всех узников хватало сил устоять перед тюремным режимом. Об этом свидетельствует трагическая смерть слушательницы Бестужевских курсов, молодой революционерки Марии Фёдоровны Ветровой (1870–1897). Ее арестовали по делу тайной типографии, созданной «Группой народовольцев» в Лахте.

Грубое обращение жандармов, одиночество и гробовая тишина довели М.Ф. Ветрову до отчаяния. Вечером 8 февраля 1897 г. в камере № 7 Трубецкого бастиона Петропавловской крепости вспыхнул живой факел. Узница вылила из лампы керосин на одежду и подожгла ее. Когда жандармы вбежали в камеру, Ветрова лежала на кровати, вся объятая пламенем. Несмотря на тяжесть полученных увечий, к ней не пригласили других врачей, кроме тюремного, однако пришла акушерка, в присутствии которой она не нуждалась. В страшных мучениях М.Ф. Ветрова умерла через четыре дня.

Перед смертью она говорила священнику, посетившему ее: «…мне было так тяжело здесь, эта мертвая тишина вокруг, эти страшные стены наводили на меня тоску и уныние. Я не могла выносить этого, не могла мириться с окружающей обстановкой. А эта мужская прислуга тут же при мне, все это берет, приносит. О, как это ужасно. Мне казалось, стыдно сказать, что я попала в какой-то непотребный дом. Мне слышались все какие-то голоса, какие-то позорные предложения. Я кричала днем, кричала по ночам. Мне казалось, что эти стены не защитят меня. Мое терпение истощилось, и вот я решилась покончить с собой» [16. С. 50–66].

После самосожжения М.Ф. Ветровой для предотвращения попыток самоубийства в тюрьме керосиновые лампы были заменены восковыми свечами. Почти одновременно с этим комендант Петропавловской крепости поднял вопрос о введении в штат Трубецкого бастиона двух должностей женщин для обслуживания заключенных женского пола. Департамент полиции разрешил ввести только одну такую должность, хотя очевидно, что одна женщина не смогла должным образом исполнять свои обязанности. Поэтому вплоть до Октябрьской революции жандармы-мужчины продолжали осуществлять надзор за заключенными-женщинами [5. С. 174].

Последний «народовольческий» процесс состоялся в 1890 г. над Софьей Михайловной Гинсбург (1863–1891), которой было предъявлено обвинение в принадлежности к революционному сообществу, ставившему задачей убийство императора и свержение государственного строя. Гинсбург была приговорена к смертной казни, которая была заменена бессрочными каторжными работами, после чего была заключена в Шлиссельбург.

Тяжесть пребывания С.М. Гинсбург в одиночной камере усугублялась нахождением в непосредственной близости двух душевнобольных арестантов, постоянные крики и вопли которых причиняли ей настоящие мучения. Заключенная с трудом переносила одиночество и разлуку с матерью. При этом Департамент полиции не обратил внимание ни на просьбу Гинсбург перевести ее в другое учреждение, ни на предупреждение коменданта крепости о том, что она плохо переносит тюремное заключение. Из занятий ей разрешалось заниматься только шитьем, для чего были выданы тупоконечные ножницы, при помощи которых через 37 дней после пребывания в крепости Гинсбург вскрыла сонную артерию [Там же. С. 251–252].

Одной из последних казней, состоявшихся в Шлиссельбургской крепости, была казнь З.В. Коноплянниковой (1878–1906), осужденной военно-окружным судом за убийство полковника Мина – участника подавления восстания 1905 года в Москве. Она провела в крепости чуть менее часа: на эшафоте вела себя спокойно, сама отстегнула воротничок своего платья, после чего палач связал ей руки. Во время казни двое солдат упали в обморок, у троих началась рвота. Когда все закончилось, труп казненной был положен в простой белый ящик, который зарыли во дворе [17. С. 11].

По имеющимся данным, только во второй половине XIX в. по политическим процессам прошли более 8 тысяч человек, около четверти из которых были женщины. Заключенные-женщины наравне с мужчинами стойко переносили все тяготы пребывания в тюрьме, демонстрируя выдержку и твердость характера [20].

Еще одним местом заключения женщин, осужденных по так называемым политическим статьям, была Карийская каторга. Эта тюрьма, существовавшая всего 18 лет, с 1873 под 1890 г., представляет интерес потому, что режим пребывания здесь был непохож на тюремный. Заключенные жили артелью, вели свое хозяйство. Режим женской карийской тюрьмы, в которой за годы ее существования перебывали всего 32 женщины, был мягче мужской. Во дворе тюрьмы находилось здание с кухней и баней, мастерские и дом караула. Женщины получали на руки продукты, сами готовили себе пищу, могли свободно общаться друг с другом, имели

в распоряжении газеты и журналы. Два раза в неделю им полагались свидания, а на прогулки за ворота тюрьмы женщины выводились под конвоем.

Так протекала жизнь каторжан до лета 1888 г., пока здесь не произошло событие, вошедшее в историю под названием «Карийская трагедия», оказавшая значительное влияние на режим в мужской тюрьме. В ходе посещения женской тюрьмы приамурским генерал-губернатором бароном А.Н. Корфом одна из каторжанок, Е.В. Ковальская, отказалась встать перед ним. Корф приказал перевести эту заключенную в общеуголовную тюрьму в Чите.

Приказание о переводе было выполнено в очень грубой форме: жандармы ночью вошли в камеру, завернули неодетую женщину в одеяло, и, заткнув ей рот тряпкой, вынесли на руках из тюрьмы и положили на подводу. После этого Ковальскую переодели в арестантское платье и отправили в Читу, где ее поместили в секретную камеру. Ей запрещалось вступать в разговоры даже с жандармами, из книг разрешалось иметь только Евангелие, соседние камеры оставались во избежание перестукивания пустыми. В камеру к Ковальской могли входить только военный прокурор, областной прокурор и с его разрешения товарищ прокурора и лица, командированные для этого лично генерал-губернатором. Лишь доброжелательные отношения с уголовными арестантками позволили заключенной иметь в камере довольно сносную пищу.

Подруги Елизаветы Ковальской – М.П. Ковалевская, М.В. Калюжная и Н.С. Смирницкая, узнав об этом, подали письменное заявление с требованием уволить коменданта тюрьмы Масюкова, посчитав его ответственным за происшедшее. Кроме того, женщины объявили голодовку. Летом 1889 г. к ним присоединились и мужчины. Однако администрация не пошла на уступки. Тюремный врач сообщил администрации тюрьмы о тяжелом состоянии голодавших женщин. В ответ на телеграфное сообщение о голодовке в женской и мужской тюрьмах губернатор телеграфно распорядился: «Администрации безразлично, будут ли они есть или не будут. Продолжайте поступать, как приказано».

В тюрьме не прекращались волнения. За попытку нанести коменданту тюрьмы пощечину заключенная Н.К. Сигида была высечена розгами, получив 100 ударов. Опозоренную женщину доставили в общую камеру женской общеуголовной тюрьмы. Так тюремная администрация впервые применила к «политическим» телесные наказания, тем самым уравняв их с остальными заключенными. В знак протеста Н.К. Сигида, М.П. Ковалевская, М.В. Калюжная и Н.С. Смирницкая приняли яд. Сигида умерла первой в ночь на 8 ноября в общей камере. Три другие женщины были доставлены в лазарет еще живыми, но вскоре скончались. По словам очевидцев, умиравшая Смирницкая с помощью сиделки подползла к кровати очень страдавшей Калюжной, гладила ее по голове и целовала, пока та не успокоилась [5. С. 316–318].

Таким было положение политических заключенных-женщин. Однако это существование в тюрьме можно назвать вполне сносным по сравнению с тем, что приходилось переживать женщинам, осужденным за общеуголовные преступления. «В то время, как мы занимались только самообслуживанием, они целый день выполняли тюремные уроки, вязали варежки и шили рубахи на мужские тюрьмы, сучили пряжу на казну, выполняли работы за оградой тюрьмы, стряпали на всю тюрьму», – описывали быт женского уголовного корпуса социалистки-революционерки, отбывавшие наказание на Мальцевской женской каторге в Восточной Сибири [21. С. 522].

Дореволюционное уголовное и уголовно-процессуальное законодательство России следует признать дискриминационным в отношении женщин. Так, за убийство внебрачного ребенка, совершенное из чувства стыда, женщина могла бы приговорена к каторжным работам, за аборт следовало наказание до пяти лет лишения свободы с лишением всех прав состояния. В то же время, например, конокрадство каралось сильнее, чем похищение женщины, а изнасилование замужней женщины наказывалось строже, чем аналогичное деяние в отношении девушки или вдовы. Самое суровое наказание – каторжные работы – назначалось женщинам наравне с мужчинами. Кроме того, важным объективным моментом, оказывавшим негативное влияние на положение женщин в местах заключения, стала отмена в 1861 г. крепостного права. Огромные массы крестьян, а также многие представители дворянства (особенно провинциального) не всегда могли приспособиться к новой социально-экономической обстановке в стране, что вызвало небывалый рост преступности, который значительно увеличил тюремное население и ухудшил без того неважные условия содержания женщин [22. С. 38–39]. Беременность, что уже отмечалось, лишь влекла отсрочку исполнения смертной казни, а беременные женщины имели незначительные послабления в режиме. Только в 1893 г. после «Карийской трагедии» в отношении женщин было отменено наказание розгами.

При этом архивные данные подтверждают то обстоятельство, что арестанты, в том числе и женщины, в большинстве тюрем рассматриваемого периода имели практически все необходимое для существования. Одежда, пища, лекарства в большинстве случаев предоставлялись заключенным бесплатно. Принимались достаточные меры для религиозно-нравственного просвещения арестантов; многие арестанты учились в тюремных школах, пользовались библиотеками [23–26]. Условия труда заключенных-женщин были регламентированы Главным тюремным управлением лишь в конце 1880-х гг: кроме ткацкого производства в помещениях они выполняли простые работы – от плетения из ниток или соломы до щипания перьев, изготовления щеток, корзин или пуговиц. Более сложные виды труда с применением ткацких машин фабрично-заводского типа стали внедряться в тюрьмах с начала XX в.

На рубеже XIX и XX столетий женщины составляли около 13% всех проходящих через места заключения лиц. Несмотря на это законодатель мало внимания уделял «женскому вопросу», хотя на международном уровне вопрос о выработке особых правил для содержания женщин заключенных уже активно обсуждался.

В 1895 г. на международном тюремном конгрессе в Париже было решено создать исходя из особенностей психологии и физиологии для заключенных женского пола специальные условия содержания в тюрьме. Это касалось и организации труда женщин, наложения дисциплинарных взысканий, питания, медицинского обслуживания.

Тяжесть нахождения женщины в тюрьме усугублялась постоянными покушениями на ее половую неприкосновенность со стороны тюремной администрации, состоявшей исключительно из мужчин. Сюда же следует добавить различные формы издевательств над женщинами, которые затрагивали физиологические особенности женского организма и вызывали чувство стыда. Например, особый приказ по учреждениям острова Сахалин определял порядок и очередность раздачи женщин мужчинам-поселенцам [27. С. 106].

Вот как описывал жизнь женщин-заключенных на каторге А.П. Чехов, командировка которого на остров Сахалин продолжалась более полутора лет. «Нравы на острове были ужасающими. Вероятно, не последнюю роль тут играл безнадежный женский алкоголизм. На первых порах каторжанки прямо с парохода отправлялись в дом терпимости. Потом их стали распределять по ссыльным – сожительницами, иногда даже – по богатым каторжникам, отдавали и тюремному начальству в качестве прислуги. Но на каторжные работы женщин не посылали, хотя на остров привозили в основном женщин-убийц. Судя по характеру преступности на острове, повторных преступлений у женщин – опасных уголовниц – не было. Следовательно, смягчение наказания – его фактическая отмена – никак не способствовало рецидиву преступлений. Особая проблема – проституция. Дело доходило до торговли малолетними дочерьми, содержания семейного дома терпимости. Что касается “детей каторги”, то по вине самой системы многие из них, к сожалению, вставали на преступный путь» [28. С. 320].

Кроме того, недостаточное количество исключительно женских тюрем вело к тому, что принцип раздельного содержания мужчин и женщин нередко нарушался, что создавало дополнительные лишения для заключенных женского пола. Многим женщинам ничего не оставалось делать, кроме как использовать свое положение для облегчения режима; в таких случаях тюрьма становилась похожа на публичный дом [29. С. 67].

В тюрьмах, где общение с мужчинами оказывалось невозможно, многие женщины вступали в однополые отношения. Использующееся в настоящее время в тюремном арго определение «ковырялка» было известно еще в начале XX в. «Так зовутся на жаргоне тюрьмы женщины-трибады, исполняющие при противоестественных отношениях с товарками по заключению роль мужчин», – описывал тюремный быт М.Н. Гернет. Он цитирует свою переписку с одной из заключенных: «Эти женщины имеют все выходки мужчин и ходят, и причесываются, как мужчины, и курят, и носят рубашки-косоворотки, подпоясанные шнурком. Ухаживание начиналось с записок, с уверений в безумной любви и просьб никому не принадлежать. В записках она писала, что целует ее маленький ротик и глазки и хочет всю расцеловать» [30. С. 27–28].

Таким образом, женщина, лишенная свободы, во все времена предстает перед нами как сбившаяся с пути мученица, оказавшаяся в чуждой для себя среде. Конечно, выбранный ею преступный путь не заслуживает оправдания, однако условия жизни в заключении до настоящего времени не учитывают психологических, физиологических и других особенностей женского организма. Будучи изолированы от общества, часто не имея никакой финансовой или моральной поддержки извне, женщины полностью теряют социальные связи; страдает их волевая сфера, способность адаптации к условиям жизни после освобождения. Удаленность от дома намного уменьшает и без того незначительное число разрешенных свиданий с мужем, детьми, родными (не каждому по силам и по средствам ехать на свидания далеко), еще больше разрывает нарушенные изоляцией семейные связи.

Лишение свободы физически переносится женщинами более мучительно, чем мужчинами. Санитарно-гигиенические условия не в полной мере учитывают особенности женской физиологии – повсеместно отмечается отсутствие или недостаток элементарных средств гигиены, минимальных жизненных удобств, достаточного количества одежды и белья, невозможность нормальной стирки и т.п. Психологически трудны для женщин многие требования режима: единая форма одежды, необходимость ходить строем, отсутствие личных вещей и др. Женщина подчинена тем же режимным требованиям, что и мужчина, – то же число положенных свиданий, почти одинаковые виды взысканий.

По меткому замечанию М.Н. Гернета, общее тяжелое и бесправное положение женщин в дореволюционной России в значительной степени отражалось и на ее положении в тюрьме.

ЛИТЕРАТУРА

1. Минстер М.В. Правовое положение женщин, осужденных к лишению свободы: монография. Новосибирск : ООО Альфа-Порте, 2011. 190 с.
2. Антонян Ю.М. Преступность среди женщин. М. : Российское право, 1992. 256 с.
3. Пионтковский А.А. М.Н. Гернет «История царской тюрьмы» в пяти томах. Изд. 3 [Рецензия] // Советское государство и право. 1964. № 10. С. 149–152.
4. Захаров Д.П. Михаил Николаевич Гернет. 1874–1953 // Правоведение. 1978. № 5. С. 97–108.
5. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Юрид. лит., 1952. Т. 3. 400 с.
6. Познышев С.В. Основы пенитенциарной науки. М. : Университетская типография, 1923. 342 с.
7. Тимофеев В.Г. Уголовно-исполнительная система России : цифры, факты и события : учеб. пособие. Чебоксары : Чуваш. гос. Ун-т им. И.Н. Ульянова, 2009. 206 с.
8. Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. М. : Типография Первой сибирской трудовой армии, 1905. 366 с.
9. Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). Ф. 109. Оп. 221. Д. 73. Л. 2.
10. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Юридическая литература, 1951. Т. 1. 328 с.

11. Мордовцев Д.Л. Политические движения русского народа : в 2 т. СПб. : Издание книгопродавца С.В. Звонарева, 1871. Т. 1. 489 с.
12. Фигнер В.Н. Софья Перовская // Былое. 1918. № 10–11. С. 6–18.
13. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 11. Д. 9. Л. 2.
14. Фигнер В.Н. Запечатленный труд : в 2 т. М. : Мысль, 1932. Т. 2. 90 с.
15. Гернет М.Н. История царской тюрьмы : в 5 т. М. : Юрид. лит., 1956. Т. 5. 340 с.
16. Ростов Н. Самоубийство М.Ф. Ветровой и студенческие беспорядки 1897 года // Каторга и ссылка. 1926. № 2 (23). С. 50–66.
17. Казнь З.В. Коноплянниковой // Былое. 1918. № 3. С. 11.
18. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 129. Л. 1–2.
19. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 133. Л. 1–2.
20. ГАРФ. Ф. 109. Оп. 221. Д. 141. Л. 82–83, 120–121.
21. Радзиловская Ф., Орестова Л. Мальцевская женская каторга 1907–1911 гг. // Женщины-террористки в России. Бескорыстные убийцы. Ростов-н/Д : Феникс, 1996. С. 500–542.
22. Остроумов С.С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М. : Изд-во МГУ, 1980. 204 с.
23. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1286. Оп. 8. Д. 499. Л. 1–4; Ф. 1286. Оп. 9. Д. 714. Л. 20–34; Ф. 1406. Оп. 1. Д. 53. Л. 12–21; Ф. 1488. Оп. 5. Д. 51. Л. 1–12.
24. РГИА. Ф. 1286. Оп. 9. Д. 714. Л. 20–34.
25. РГИА. Ф. 1406. Оп. 1. Д. 53. Л. 12–21.
26. РГИА. Ф. 1488. Оп. 5. Д. 51. И. 1–12.
27. Лобас Н.С. Каторга и поселение на Сахалине. СПб. : Издание «В.С. Лобас», 1903. 160 с.
28. Чехов А.П. Собрание сочинений : в 12 т. М. : Наука, 1956. Т. 10. 390 с.
29. Ядринцев Н.М. Русская община в тюрьме и ссылке : исследования и наблюдения над жизнью тюремных, ссыльных и бродяжеских общин. СПб. : А. Моригеровский, 1872. 719 с.
30. Гернет М.Н. В тюрьме : очерки тюремной психологии. Харьков : Юрид. изд-во Украины, 1930. 263 с.

Статья представлена научной редакцией «Право» 4 октября 2017 г.

WOMEN-PRISONERS IN PRE-REVOLUTIONARY RUSSIA (ON THE MATERIALS OF M.N. GERNET'S RESEARCH)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 430, 196–204.
DOI: 10.17223/15617793/430/27

Alexandr M. Nikitin, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: snloseva@yandex.ru
Svetlana N. Loseva, Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: snloseva@yandex.ru

Keywords: imprisonment; woman; political prisoner; prison regime; discrimination.

This article examines the situation of women serving sentences for political and ordinary crimes, characterises the psychological state of women prisoners. The primary sources of material was the five-volume work *History of the Royal Prison* by M.N. Gernet; the works of other prominent Russian scholars (S.V. Poznyshev, N.M. Yadrintsev), memoirs of women prisoners were also used. Some of the archival materials in the article are first introduced into scientific use. In the course of the study, systematic, historical, comparative and analytical methods were used, which allowed to comprehensively consider the situation of women prisoners in pre-revolutionary Russia. The execution of criminal penalties by convicted women is one of the most difficult issues in legislative and practical terms. At all times, an imprisoned woman is seen as a martyr, who turned out to be in an alien environment. Of course, the path of crime she chose cannot be approved of, but since the conditions of deprivation of liberty do not take into account the peculiarities of the female body and psychology, the punishment becomes doubly heavy. This is clearly illustrated by examples from the life of prisoners in ordinary prisons of pre-revolutionary Russia. Being in isolation, often without the financial or moral support from outside, women practically lost social ties; their volitional sphere suffered, the ability to adapt to the conditions of life after liberation was low. There also were constant attacks on her sexual freedom and various forms of bullying. However, as practice shows, many of the "cornerstones" of modern execution of imprisonment against women was partly solved in the previous periods of the domestic penal system development. The study of this area of prison policy during the "great" reforms in the second half of the nineteenth century, the revitalisation of the revolutionary movement, changes in the composition of the prison population can help avoid current errors and miscalculations in finding ways to improve the rules governing the enforcement of sentences of imprisonment in relation to women.

REFERENCES

1. Minster, M.V. (2011) *Pravovoe polozhenie zhenshchin, osuzhdennykh k lisheniyu svobody* [The legal status of women sentenced to deprivation of freedom]. Novosibirsk: OOO Al'fa-Porte.
2. Antonyan, Yu.M. (1992) *Prestupnost' sredi zhenshchin* [Crime among women]. Moscow: Rossiyskoe pravo.
3. Piontkovskiy, A.A. (1964) M.N. Gernet "Istoriya tsarskoy tyur'my" v pyati tomakh. Izd. 3 [Retsenziya] [M.N. Gernet's "History of the Royal Prison" in five volumes. 3rd ed. [Book Review]]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 10. pp. 149–152.
4. Zakharov, D.P. (1978) Mikhail Nikolaevich Gernet. 1874–1953. *Pravovedenie*. 5. pp. 97–108. (In Russian).
5. Gernet, M.N. (1952) *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [History of the Tsar's Prison: in 5 vols]. Vol. 3. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
6. Poznyshev, S.V. (1923) *Osnovy penitentsiarnoy nauki* [Fundamentals of penitentiary science]. Moscow: Universitetskaya tipografiya.
7. Timofeev, V.G. (2009) *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema Rossii: tsifry, fakty i sobytiya* [Russia's criminal executive system: numbers, facts and events]. Cheboksary: Chuvash State University.
8. Prugavin, A.S. (1905) *Monastyrskie tyur'my v bor'be s sektantstvom* [Prisons at monasteries in the fight against sectarianism]. Moscow: Tipografiya Pervoy sibirskoy trudovoy armii.
9. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 221. File 73. Page 2. (In Russian).
10. Gernet, M.N. (1951) *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [History of the Tsar's Prison: in 5 vols]. Vol. 1. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
11. Mordovtsev, D.L. (1871) *Politicheskie dvizheniya russkogo naroda: v 2 t.* [Political movements of the Russian people: in 2 vols]. Vol. 1. St. Petersburg: Izdanie knigoprodavtsa S.V. Zvonareva.
12. Figner, V.N. (1918) Sof'ya Perovskaya. *Byloe*. 10–11. pp. 6–18. (In Russian).
13. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 11. File 9. Page 2. (In Russian).
14. Figner, V.N. (1932) *Zapechatlennyy trud: v 2 t.* [Registered work: in 2]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.

15. Gernet, M.N. (1956) *Istoriya tsarskoy tyur'my: v 5 t.* [History of the Tsar's Prison: in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
16. Rostov, N. (1926) Samoubiystvo M.F. Vetrovoy i studencheskie besporyadki 1897 goda [Suicide of M.F. Vetrova and student unrest in 1897]. *Katorga i ssylka*. 2 (23). pp. 50–66.
17. Byloe. (1918) Kazn' Z.V. Konoplyannikovoy [Execution of Z.V. Konoplyannikova]. *Byloe*. 3. pp. 11.
18. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 221. File 129. Pages 1–2. (In Russian).
19. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 221. File 133. Pages 1–2. (In Russian).
20. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 109. List 221. File 141. Pages 82–83, 120–121. (In Russian).
21. Radzilovskaya, F. & Orestova, L. (1996) Mal'tsevskaya zhenskaya katorga 1907–1911 gg. [Maltsevo female forced labor camp of 1907–1911]. In: Budnitskiy, O.V. (ed.) *Zhenshchiny-terroristki v Rossii. Beskorystnye ubiytsy* [Women-terrorists in Russia. Disinterested killers]. Rostov-on-Don: Feniks.
22. Ostroumov, S.S. (1980) *Prestupnost' i ee prichiny v dorevolyutsionnoy Rossii* [Crime and its causes in pre-revolutionary Russia]. Moscow: Moscow State University.
23. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 8. File 499. Pages 1–4. (In Russian).
24. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1286. List 9. File 714. Pages 20–34. (In Russian).
25. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1406. List 1. File 53. Pages 12–21. (In Russian).
26. Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1488. List 5. File 51. Pages 1–12. (In Russian).
27. Lobas, N.S. (1903) *Katorga i poselenie na Sakhaline* [Forced labor camps and settlement in Sakhalin]. St. Petersburg: Izdanie "V.S. Lobas".
28. Chekhov, A.P. (1956) *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Works: in 12 vols]. Vol. 10. Moscow: Nauka.
29. Yadrintsev, N.M. (1872) *Russkaya obshchina v tyur'me i ssylke: issledovaniya i nablyudeniya nad zhizn'yu tyuremnykh, ssyl'nykh i brodyazheskikh obshchin* [Russian community in prison and exile: research and observation of the life of prison, exile and vagrancy communities]. St. Petersburg: A. Morigerovski.
30. Gernet, M.N. (1930) *V tyur'me: ocherki tyuremnoy psikhologii* [In prison: essays of prison psychology]. Kharkov: Yurid. izd-vo Ukrainy.

Received: 04 October 2017